

Ссылные архиереи

ССЫЛЬНЫЕ АРХИЕРЕИ В КОМИ АУТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В многовековой истории православия в Коми крае есть трагическая страница – гонения на Церковь в 20-30-е гг. XX в. В 1922 г. ВЦИК издает декрет «Об административной высылке», согласно которому «лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям», разрешалось высылать в административном порядке в отдаленные районы страны на срок до 3 лет. С 1923 г. ссылка и высылка осуществлялись по постановлению органов ОГПУ. В 1923 г. административной комиссией НКВД был утвержден перечень районов административной высылки. В него была включена и Коми АО.

Весной-летом того же года в область стали прибывать первые партии ссылных. Изначально среди высланных под надзор ОГПУ значительную часть составляли православные священники. В основном их отправляли в Усть-Сысольск и отдаленные села Усть-Цилемского, Ижемского, Усть-Вымского, Усть-Куломского и Сысольского районов.

«Пик» ссылки приходится на вторую половину 20-х гг., но многие ссылные оставались жить на территории Коми АО и после окончания ее срока, поскольку им запрещалось выезжать за пределы области (в 30-е гг. большинство из них были арестованы и приговорены к расстрелу или длительным срокам лишения свободы).

По неполным данным, 24 архиерея в разные годы отбывали ссылку в Коми крае. Помянем их, с указанием годов и мест (если они известны) нахождения в ссылке:

Аввакум (Боровков), епископ Староуфимский (1923-1926).

Авраамий (Дернов), епископ Уржумский (1925-1928).

Амвросий (Смирнов), епископ Брянский (1926-1928).

Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский (май 1923 –

январь 1925, г. Усть-Сысольск, с. Усть-Вымь, с. Керчемья).

Василий (Преображенский), епископ Кинешемский (1923 – май 1925, с. Усть-Кулом).

Василий (Богдашевский), епископ Каневский (май 1923 – август 1924, с. Ижма).

Виктор (Островидов), епископ Глазовский (1931-1934, с. Усть-Цильма, с. Нерица. Направлен в ссылку после освобождения из Соловецкого ЛОН, в 1932 г. арестован в Усть-Цильме, 10.05.1932 осужден ОСО при Коллегии ОГПУ по ст. 58-10, 11 УК РСФСР на 3 года ссылки, скончался в с. Нерица 2.05.1934).

Владимир (Юденич), епископ Барнаульский (1923-1927 (?), с. Ижма).

Герман (Ряшенцев), епископ Вязниковский (1934-1937, Усть-Куломский р-н, д. Кочпон, Сыктывкар. 24.02.1937 арестован, 13.09.1937 приговорен тройкой при УНКВД Коми АССР по ст. 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 15.09.1937 в Сыктывкаре).

Димитрий (Вербицкий), архиепископ Белоцерковский (июнь 1923 – 1925, с. Ижма).

Евгений (Зернов), архиепископ Приамурский и Благовещенский (1926-1929, Усть-Куломский р-н. Направлен в ссылку на 3 года после освобождения из Соловецкого ЛОН).

Иоанн (Пашин), епископ Мозырский (1926-1928 (?), Усть-Куломский р-н).

Кирилл (Смирнов), митрополит Казанский и Свияжский (1922-1925 (?), г. Усть-Сысольск, с. Усть-Кулом, с. Керчомья).

Николай (Ярушевич), епископ Петергофский (1923-1926, с. Усть-Кулом).

Парфений (Брянских), епископ Ананьевский (июнь 1926 – апрель 1928).

Пахомий (Кедров), архиепископ Черниговский (июнь

1926 – 1928).

Платон (Руднев), епископ Богородский (июнь 1926 – после июня 1928, Сысольский р-н. Направлен в ссылку на 3 года после освобождения из Соловецкого ЛОН).

Серапион (Шевалеевский), епископ Арзамасский (1934-1937, д.Кочпон, Сыктывкар. 24.02.1937 арестован, 13.09.1937 приговорен тройкой при УНКВД Коми АССР по ст.58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 15.09.1937 в Сыктывкаре).

Серафим (Звездинский), епископ Дмитровский (1923-1925, Усть-Сысольск, с.Визинга).

Стефан (Бех), епископ Ижевский (1929-1932, пос.Баддель. 7.09.1932 арестован, 21.04.1933 приговорен ОСО при Коллегии ОГПУ по ст. 58-2, 11 УК РСФСР к высшей мере наказания, замененной на 10 лет лишения свободы).

Стефан (Знамировский), архиепископ Вологодский (1935-1938, г.Сыктывкар.14.06.1938 арестован, 24.03.1939 осужден Верховным судом Коми АССР по ст.58-10,11 УК РСФСР на 3 года лишения свободы. 14.06.1941 освобожден из Верхнечовского ИТЛ. 15.08.1941 вновь арестован, 17.11.1941 Верховным судом Коми АССР приговорен по ст.58-10,11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Сыктывкаре 18.03.1942).

Феофил (Богоявленский), епископ Новоторжский (1923-1925, с.Усть-Кулом или с.Визинга).

Феодосий (Ганецкий), епископ Коломенский (1923-1926).

Филипп (Ставицкий), архиепископ Астраханский (1930-1931, д.Чукчино Короворучейского сельсовета Усть-Цилемского р-на. 12.07.1931 арестован, 6.10.1931 тройкой при ПП ОГПУ Северного края приговорен по ст.58-10,11 УК РСФСР к высылке в Северный край на 5 лет).

Для большинства из архиереев ссылка в Коми край стала одним из этапов их мученического пути, и лишь немногим

довелось выжить. Все ссыльные, в том числе и духовенство, находились под постоянным контролем ОГПУ-НКВД. Последние опасались «разлагающего» влияния ссыльного православного духовенства на жителей Коми АО. К тому были серьезные основания. Ссыльные, в отличие от заключенных, не были изолированы от местного населения и могли свободно передвигаться в пределах сельсовета, в который они были определены на жительство.

Крестьяне с уважением относились к православным пастырям (а к архиереям особенно), для них они были понятны, к ним относились как к страдающим за веру. К тому же ссыльному духовенству было легче устанавливать контакты с коми, поскольку они имели помощников в лице местных священников, как правило, хорошо знавших коми язык.

КОО ГПУ отмечало (1927 г.): «Тогда как ссыльные – представители антисоветских политических партий не пользуются доверием и уважением со стороны населения Коми, реакционное духовенство в глазах религиозно настроенных элементов Области окружено ореолом страдальцев за веру и правду». В связи с этим еще в июле 1923 г., когда решался вопрос о размещении первых партий ссыльных, оргбюро Коми ОК РКП(б) приняло решение: «Духовенство по возможности разослать в провинцию в наиболее глухие места, где они окажутся совершенно изолированными в силу незнания языка. Наиболее подходящими считать районы со старообрядческим населением». И, в отличие от «политических» ссыльных, в основном живших в Усть-Сысольске, духовенство действительно отправляли в отдаленные сельские районы.

Ссыльных архиереев направляли в большие села (уездные или волостные центры). Там же, а также в окрестных деревнях, помещали и других ссыльных священников. Для властей так было удобнее – облегчался контроль. Но тем

самым они, сами того не желая, способствовали консолидации ссыльных.

Примером такой общины, включающей как ссыльное духовенство, так и ссыльных-мирян, а также местных жителей (в том числе и приходских священников), было сообщество, сложившееся в первой половине 30-х гг. в деревне Кочпон под Сыктывкаром. Духовным лидером этой общины был епископ Вязниковский Герман (Ряшенцев). По воскресным дням в доме владыки собирались ссыльные архиереи (епископ Арзамасский Серапион, архиепископ Вологодский Стефан), священники и миряне для молитвенного общения и беседы, при местном храме под руководством владыки Германа был организован кружок любителей церковного пения. Члены сообщества по возможности оказывали помощь нуждающимся, в первую очередь священникам, находившимся в лагерях.

Ссыльным архиереям было запрещено служение в храме, но ни один из них не прекратил пастырскую деятельность. Если посещение храма по каким-либо причинам было невозможным, создавались домашние церкви. Такой храм был в Визинге, в доме, где жил епископ Дмитровский Серафим (Звездинский). Владыка совершал праздничные соборные богослужения в сослужении ссыльных иереев. На дому служил литургию и митрополит Кирилл (Смирнов). По данным ОГПУ, епископ Аввакум (Боровков) «устраивал на квартире разные церковные церемонии». Архиерейские службы проводились и в домах священников (на них присутствовали и местные жители). Архиереи по просьбам коми крестьян совершали требы.

Благодаря влиянию ссыльных архипастырей, многие общины и приходские священники отказались поддержать «обновленцев». Партийные органы с сожалением отмечали, что «устойчивое положение «тихоновцев» (сторонников Патриарха Тихона – **М.Р.**) объясняется наличием большого

числа ссыльных духовников – попов и архиереев... Ссыльные более образованы и легко побеждают местных малообразованных обновленцев».

Большинство архиереев, отбывавших кратковременную ссылку (два-три года) в 20-е годы, после ее окончания сумели выехать из Коми АО. Но с конца 20-х гг. начинается новый этап репрессий против Церкви – она официально была объявлена единственной легальной контрреволюционной силой, пользующейся влиянием в массах.

Первым был арестован владыка Филипп (Ставицкий). В 1929 г. он был арестован в Астрахани (это был уже третий арест владыки) и в начале 1930 г. по постановлению ОГПУ выслан в Северный край на три года. В ссылке жил в Усть-Цилемском р-не. Его арестовали 12 июля 1931 г. вместе с местным иереем Иоанном Серебренниковым якобы за противодействие лесозаготовкам (владыка просил не посылать в лес пожилых ссыльных священников), что было расценено как антисоветская агитация. 6 октября 1931 г. тройкой при ПП ОГПУ Северного края владыка Филипп был приговорен к ссылке в Северный край на 5 лет. Ему единственному из арестованных в Коми крае архиереев довелось пережить ссылку – в 1943 г. владыка Филипп был освобожден и вернулся в Астрахань.

В 1932 г. заканчивался трехлетний срок ссылки владыки Стефана (Беха) (для него она была второй – в 1922-1926 гг. владыка отбывал ссылку в Нарымском крае). Однако 7 сентября 1932 г. владыка Стефан был арестован в д.Бадбель Усть-Куломского р-на. Он обвинялся в активном участии в организации «Союза крестьян», в основном состоявшего из ссыльных и пытавшегося противостоять советской власти (есть основания предполагать, что эта организация не была выдумана чекистами, а реально существовала). 21 апреля 1933 г. владыка Стефан ОСО при Коллегии ОГПУ был

приговорен к высшей мере наказания, замененной на 10 лет лишения свободы. Из лагеря он не вернулся, но где и когда скончался, так и осталось неизвестным.

В декабре 1932 г. в с.Усть-Цильма был арестован владыка Виктор (Островидов). В трехлетнюю ссылку в Северный край он был направлен в 1931 г. после двухлетнего заключения в Соловецком ЛОН, а до этого он неоднократно арестовывался, отбыл ссылку в Нарымском крае. 10 мая 1933 г. ОСО при Коллегии ОГПУ по стандартному обвинению в антисоветской агитации добавило владыке Виктору три года ссылки, которую он отбывал там же, в Усть-Цилемском р-не. Владыка Виктор скончался от воспаления легких 2 мая 1934 г. в с.Нерица и был погребен на сельском кладбище. Ныне его честные останки покоятся в Александро-Невской церкви Вятского Свято-Троицкого монастыря.

Для многих священников роковым стал 1937 год. В их числе – владыки Герман (Ряшенцев) и Серапион (Шевалеевский). Для владыки Германа ссылка в Коми край была уже третьей, кроме того, он 3 года провел в Соловецком ЛОН. В 1937 г. истек срок его последней трехлетней ссылки, которую он отбывал в Усть-Куломском районе, и в Кочпоне он жил уже как «вольный». Владыка Серапион тоже неоднократно арестовывался, отбыл трехлетнюю ссылку, жил в Сыктывкаре (до истечения срока ссылки оставался месяц). Владык и еще 11 человек арестовали в феврале 1937 г. Их обвиняли в создании контрреволюционной организации «Священная дружина» (такое название чекисты придумали для вышеупомянутой общины ссыльного духовенства и мирян). 13 сентября 1937 г. владыка Герман и владыка Серапион были приговорены к высшей мере наказания и через два дня расстреляны в Сыктывкаре.

Последним в этом скорбном списке стоит владыка

Стефан (Знамировский). Для него ссылка в Коми край тоже была далеко не первой. Первый раз владыку Стефана арестовали и сослали на 3 года еще в 1926 г. В 1930 г. его вновь арестовали и дали 3 года лишения свободы (в заключении находился в Красновишерском ИТЛ). В 1935 г. новая ссылка, теперь на 5 лет в Северный край. 14 июня 1938 г. ссыльного архиерея и еще нескольких священников арестовали в Сыктывкаре. Им было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации (владыке Стефану припомнили и «связи с участниками контрреволюционной группы фашистского толка, именуемой «Священной дружиной»). 24 марта 1939 г. Верховный суд Коми АССР приговорил владыку Стефана к 3 годам лишения свободы. В заключении он находился в Верхнечовском ИТЛ. Освободился 14 июня 1941 г., но уже 15 августа 1941 г. был вновь арестован. Одним из обвинений стало то, что и в колонии владыка Стефан исполнял свой пастырский долг – по просьбам заключенных совершал службы и отправлял требы. Владыка Стефан был расстрелян 18 марта 1942 г. в Сыктывкаре. К сожалению, в настоящее время трудно восстановить во всем объеме многообразие подвижнической деятельности архипастырей-мучеников. Но деяния их не забыты. Владыка Виктор (Островидов) и владыка Герман (Ряшенцев) причислены к лику новомучеников и исповедников Российских.

М.РОГАЧ

АРХИЕПИСКОП СТЕФАН

Находка на развалинах

Сравнительно неплохо сохранившаяся фотография о.Иоанна Кронштадтского в деревянной рамке. Надпись четким почерком на обороте: *«На добрую память дорогому руководителю и наставнику Николаю Ивановичу*

Знамировскому от семинаристов-участников в часовне Св. Стефана Великопермского «В знак любви». Пермь 9 июня 1911 года». Далее – девять подписей с указанием, к какому классу относились воспитанники.

Эту карточку обнаружили в одном из старых дворов Пермского района Мотовилихи два года назад. Первая мысль – узнать, кто такой был Знамировский и какова связь его с упомянутой часовней, о которой хорошо известно как о православном просветительском центре, возникшем на рубеже XIX-XX веков. Так старый снимок сподвигнул меня к исследованию, результатами которых я и хочу поделиться сегодня с читателями.

У духовного источника

К началу XX века Пермская Духовная семинария отпраздновала 100-летний юбилей, будучи ровесницей Пермской епархии. Как главный источник духовного образования, она была опекаема владыками, которые часто были и ректорами семинарии. С 90-х годов XIX века по 1914 год ее возглавлял епископ Палладий (Добронравов). Подготовка кадров для Церкви и отчасти для светских учебных заведений лежала на достаточно квалифицированных преподавателях, среди которых были три кандидата богословия, два священника. Остальные предметы, кроме специальных, связанных с богословскими науками, вели гражданские чины. Вот здесь и трудился Н.И.Знамировский (1878 – 1942), долгие годы занимая должность инспектора Духовной семинарии. Сын земского начальника г.Ирбита Пермской губернии, Николай был отдан матерью, рано потерявшей мужа, в одно из духовных училищ – Пермское. В 1900 году он окончил Пермскую семинарию. Следующим этапом обучения стала Казанская Духовная академия. Еще будучи ее студентом, Николай, приезжая в Пермь, бывал в стенах семинарии. Здесь-то впервые и встретился с ним тогдашний семинарист

В.Игнатьев. Его поразили внешний вид студента: «...по корпусу второго этажа расхаживал высокий человек, брюнет, с пышной шевелюрой волос и бородой», что не соответствовало тогдашним представлениям о студенте, – «я остановился на том, что это, верно, какой-то уникал».

Годы его учения в Казани совпали с периодом духовного и интеллектуального расцвета Казанской Духовной академии, когда ее возглавлял преосвященный Антоний (Храповицкий). С целью воспитать своих подопечных настоящими духовными пастырями он направлял юношей к схииеримандриту Гавриилу в Седмиезерскую пустынь – тот становится их духовным отцом и наставником. Студенты часто ездят к нему на исповедь и за советом. Здесь они чувствуют себя, как в гостях у родного отца. С благословения отца Гавриила они произносили даже проповеди в монастырском храме. Сей благодатный духовник прививал ученикам чрезвычайно высокие понятия о монашестве.

Среди его духовных чад был и Николай Знамировский, который по окончании в 1904 г. академии со степенью кандидата богословия был назначен преподавателем литургики и гомилетики в Пермской семинарии.

Стихия слова

Этот предмет – проповедническое искусство – было «его стихией». Николай Знамировский давал задание писать проповеди, особенно подчеркивая, что в них должна быть «елейность» и «помазанность». Свой проповеднический талант реализовывал чаще всего в часовне Стефана Великопермского, которую он называл «училищем благочестия», так как там образовалась замечательная пастырско-миссионерская школа имени отца Иоанна Кронштадтского, проект которой разрабатывался коллективно. В 1911 г. туда поступило около 20 будущих пастырей – молодая когорта православного священства

Пермской епархии. Большинство из них попадет в руки палачей-богоборцев 1920 – 1930-х годов – подвергнутся арестам, ссылке, расстрелу.

По воспоминаниям современников, Н.И.Знамировскому была присуща некая артистичность высшего порядка в момент проповеди. «Нужно было видеть Н.И. в момент произнесения проповеди. Он весь становился каким-то подтянутым, стремительным, взгляд его был направлен вдаль, голос звучал властно, и весь вид его был величественным», – писали современники. «Коронным выступлением» его было чтение Слова Иоанна Златоуста во время пасхальной обедни, – вспоминал один из бывших семинаристов. – Четкость и выразительность были доведены до предельной точки... Это состояние восторга и экстаза, как говорил сам Н.И., связано было у него с душевным переломом, пережитым в юности. Он вспоминал о том, как в его душе появился червь сомнения и неверия и как в пасхальную именно утреню, а потом и обедню, он пережил яркий момент религиозного экстаза, навсегда утвердившего его в вере. Кончилось богослужение в семинарской церкви, а Н.И. стремительно отправляется на подворье Белогорского монастыря, где богослужение идет более длительно: ему хочется еще и еще пережить **пир веры**».

Начальство семинарии быстро обратило внимание на талантливое учителя, и вскоре (с 1908 г.) он был назначен инспектором семинарии. Ученики, успевшие изучить особенности характера Николая Ивановича («мягкий характер» – в противоположность «жесткому характеру нашей братии»), не считали сей выбор удачным – «развалит он дисциплину». Но, вопреки сему мнению, он удержался на этом посту, будучи третьим и последним инспектором семинарии, благодаря хорошим помощникам, особенно строгому Н.И.Колосову.

Сравнивая три эпохи семинарии (трех инспекторов), автор воспоминаний приводит характеристику разных стилей отношения к нарушению дисциплины (когда семинарист выпил): грубо административный, тонко иезуитский и «уговаривающий, почти умоляющий», типичный для Н.И.Знамировского. «Рука на плече или в обхват талии. – Ну, что тебя угораздило?! Ну, ладно, только больше так не делай». (Царь Федор Иоаннович)». Так описывает В.Игнатьев любимого семинаристами инспектора в роли увещевателя нашкодивших подопечных.

Крестоносец нового времени

Как-то летом он ездил с семинаристами в Палестину и вернулся оттуда крестоносцем Гроба Господня. Его организаторский талант наиболее ярко развернулся в период начала Первой мировой войны. Пермскую епархию возглавлял последний тогда пермский архипастырь Андроник.

В полном взаимопонимании он трудился на протяжении двух лет вместе с назначенным осенью 1914 года на должность ректора Духовной семинарии архимандритом Пименом, бывшим до того помощником начальника Урмийской миссии (в Персии). В первой же встрече его с семинаристами они почувствовали в нем истинного патриота России. От лица учительской корпорации нового ректора приветствовал инспектор Н.И.Знамировский. Они сумели в короткие сроки силами семинаристов превратить второй этаж главного корпуса в казармы для мобилизованных, а третий – в лазарет. Семинаристам приходится учиться в стесненных условиях: часть классов располагается в гардеробной, и даже (младшие классы) – в квартире ректора. Но частые выступления ректора перед учащимися, воскресные беседы в часовне Стефанова братства, замечательные детские праздники сплачивают верующих. Ректор разъясняет суть своей «русской идеи»:

Церковь с ее подвижниками, не боящимися ни усталости, ни гонений, – движущее начало для России. «Глубокое просвещение, идущее от подвижников Церкви, возможного лишь ценой самопожертвования, жертвами удобства, покоя, самолюбия...»

На Поместном Соборе

Н.И.Знамировский – участник пермской делегации Поместного Всероссийского Собора в Москве 1917-1918 гг. Инспектор берет слово неоднократно. После доклада епископа Омского в защиту церковнославянского языка он скажет о важности поправки и перевода богослужебных книг, в частном же порядке – «для ознакомления верующих с содержанием церковных молитв», допуская распространение богослужебных книг на русском языке. Поддерживает владыку Андроника при обсуждении церковнобогослужебного устава, чтобы составить от имени Собора особое послание, где высказать отношение Собора к вопросу о сокращении нашего типикона. Именно полнота отправляемого богослужения, как, например, в Белогорском монастыре, – дорога верующему народу.

Важным моментом в ходе Собора было обсуждение вопроса о приходе и статей приходского устава. В дискуссии о выборности клира первым от пермской церкви слово взял Н.И.Знамировский. Он подверг критике выборность, которая в силу разношерстности состава прихода может привести к печальным последствиям, и предложил выход: избрание на освободившуюся должность приходского пастыря епархиальным епископом совместно с членами епископского совета в присутствии членов благочиния и даже прихода. О «чудных хождениях по домам христиан» в бытность свою в Японии поведал архиепископ Андроник, доказывая значение хорошего знания своих прихожан пастырями, включая и владыку.

Очень много дало Н.И.Знамировскому присутствие на

Поместном Соборе для жизненного опыта, пригодившегося в будущем. Способствовало этому и его близкое общение с владыкой Андроником, предложения которого он всегда поддерживал, и ректором ПДС архимандритом Матфеем (Померанцевым). Сама атмосфера Собора и условия в стране – закрытие церквей, семинарий, репрессии против священства, политика «обновленчества» – помогали росту духовного видения Знамировского. Он горячо поддержал мысль активного борца с властью насильников о.Матфея – о необходимости срочного избрания Святейшего Патриарха Тихона.

Рукоположения

Краткие отрывочные сведения, порой из уст осведомителей ГПУ, дают представление о последующем периоде жизни Н.И.Знамировского.

Несмотря на его активную позицию на духовном поприще и способности к проповеднической деятельности, он не стал в молодые годы священником. В царской России священником мог стать только женатый мужчина, а неженатый (целибат) – не ранее своего 50-летия. А он как раз был холост, жил со своей матерью. Однако Поместный Собор 1917-18 гг. снизил этот порог до 40 лет. Тогда и открылась для Н.И. Знамировского возможность принять сан священника.

1919 г. году отступил с Белой армией в Сибирь. В целибатном состоянии рукоположен в сан священника, возведен в сан протоиерея. С 1921 г. служил в г.Шадринске. В 1923 г. арестовывался по делу епископа Льва (Черепанова).

Современники говорили и о его «склонности к монашеской жизни» (еще в семинарии). Однако в разговорах причины не реализованности этого шага объясняли так: якобы его удерживало от пострига личное несогласие с той частью процедуры пострижения в монахи,

где требовалось отречься от родителей. Он слишком любил свою мать, чтобы дать сей обет...

Хиротония

У хиротонии Знамировского во епископы своя предыстория. В мае 1917 года в епархии проходили выборы епископа Екатеринбургского. Кажется странным, но он был кандидатом номер один, хотя даже не имел священнического сана. Читаем в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях»: «...Временное управление епархией поручено второму викарию Оренбургской епархии Преосвященному Серафиму, епископу Челябинскому. 20 мая епископ Серафим прибыл в Екатеринбург. 21 мая в его присутствии происходило на епархиальном съезде избрание кандидата во епископа Екатеринбургской церкви. Избранным оказался инспектор Пермской Духовной семинарии, коллежский советник Николай Иванович Знамировский, получивший из 277 всего 138 избирательных голосов». Это говорит о его авторитете в епархии. Однако затем собрание изменило свою точку зрения. Спустя четыре дня единогласно на Екатеринбургскую кафедру был избран Преосвященный Серафим, епископ Челябинский.

Через четыре года Патриарх Тихон, знавший Знамировского как активного участника Поместного Собора, возведет его в сан епископа и направит служить на Урал. В монашество он, кстати, был пострижен за два дня до хиротонии во епископы, оставив прежнее имя Николай и став Стефаном.

Под «приглядом»

Несмотря на аресты и ссылки, в конце 20-х гг. епископ Стефан, переместившись в Казань, посещает Пермь проездом, ведет переписку с бывшими учениками по семинарии. Так, в 1927 г. из сообщения очередного «соглядатая» узнаем, что епископ приезжал в Пермь и

освящал церковку в Балмошной, построенную в память «об освобождении от большевиков в 1918 г.». Вместе с ним вел службу священник Вячеслав Попов из Оханского уезда, а затем епископ Стефан «речь говорил». Здесь же указывается на контакты о.Стефана в доме старосты этой церкви, где он встречался с епископом Хрисанфом, протоиереем Николаем Богородицким и «ссылным архимандритом». Любопытно, что отмечено: «место подходящее, полное воспоминаний» (по-видимому, вблизи от того места, где был расстрелян Михаил Романов).

Далее – фраза: «Тем более, что Богородицкий со Знамировским в близких отношениях. Знамировский в письмах зовет Б. «Колечка». Недаром Колечка старается увезти в Казань посылки, собирает их у почитателей, купил даже посох, якобы на толкучке, говорили, хороший, с серебряным набалдашником. Чувствуется какая-то связь нашей черной сотни с казанским вождем Стефаном».

И это не единственная подробная архивная иллюстрация к будням той поры епископа Стефана. Приведем фрагмент из книги П.Агафонова о пермском духовенстве, где на примере прихода с.Копалино Чусовского района показано, каким уважением пользовался владыка Стефан: «У копалинских прихожан власти, выше Стефана Шадринского, видимо, нет, они не подчиняются ни Петру (Полянскому), ни Сергию (Страгородскому), ни Григорию (Яцковскому) и никому другому». Коллега владыки по семинарии Игнатьев писал, что епископ Стефан «пользовался такой популярностью, что за ним, когда он шествовал, всегда следовала толпа поклонников».

Все это приводило безбожников в ярость.

Вот биографическая справка о епископе Стефане:

– В 1926-1927 гг. временно управляющий Свердловской епархией.

– 18 сентября 1926 г. арестован

Шадринским отделом ГПУ.

– 14 января 1927 г. постановлением особого совещания ОГПУ приговорен к трем годам ссылки.

– С 16 сентября 1927 г. епископ Калужский.

– 27 июля митрополитом Сергием (Страгородским) запрещен в священнослужении.

– С 24 апреля 1929 г. епископ Вятский, в том же году арестован и приговорен к трем годам.

– С 16 июня 1933 г. епископ Ульяновский.

– С 5 октября 1933 г. епископ Вологодский.

– 23 марта 1934 г. возведен в сан архиепископа.

– 25 сентября 1936 г. арестован.

– 31 августа 1936 г. постановлением особого совещания НКВД приговорен к пяти годам ссылки в Северный край.

– 17 ноября 1941 г. – дата приговора.

Расстрелян 18 марта 1942 г.

Послесловие

...Эту скорбную дату завершения земной жизни подвижника и мученика архиепископа Стефана уточнила Анна Малыхина из Сыктывкара, где он и был расстрелян. Ей принадлежит заслуга и в поиске и изучении архивных документов о датах семи арестов и ссылках, особенно относящихся к скитаниям последних лет. Место последнего его пребывания – Верхне-Човская колония под Сыктывкаром. Место расстрела и вечного упокоения – кладбище оной, где в морозы 1942 года на 64-м году жизни он был зарыт в землю «в специально отведенном месте».

Спаси вас, Господи, Анна, за эти поиски! Теперь необходимо довести дело до конца – передать эти материалы в комиссию по канонизации новомучеников и исповедников.

Вечная память архиепископу Стефану!

Е.ХАРИТОНОВА, кандидат исторических наук
г.Перм

СМИРЕННЫЙ ПАСТЫРЬ
Житие митрополита Анатолия (Грисюка),
священномученика

Автору этого текста - иеромонаху Дамаскину (Орловскому), члену Синодальной комиссии по канонизации новомучеников - присуждена премия митр.Макария, возрожденная недавно. Получил он ее за книгу “Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия”. Не так давно вышел и второй том этой, ставшей уже известной, серии (к сожалению, приобрести его можно только на складах в Москве). Примечательно, что человек, о котором повествуется ниже, также был удостоин премии митр.Макария - только до революции. Человек этот прошел лагеря и упокоился в нашей северной земле, могила его на территории Кылтовского монастыря. Сейчас житие священномученика Анатолия готовится для издания, для нас же иером. Дамаскин подготовил его в газетном варианте. Публикуется впервые.

Время обдирало его, скоблило железными пальцами. Исчезали красивые рясы и драгоценные знаки архиерейства. Затем лишился он подушки, валенок с калошами, осколка зеркала... И, наконец, гонители вырвали из рук Евангелие, которое Владыка так любил, и не хотел отдавать, даже умирая. Лишь креста у него отнять так и не сумели.

* * *

Митрополит Анатолий (в миру Андрей Григорьевич Грисюк) родился 20 августа 1880 года в городе Ковеле Волынской губернии в семье чиновника. Окончил училище, Волынскую Духовную семинарию и в 1900 году поступил в Киевскую Духовную академию. Спустя три года, будучи еще студентом, он принял постриг и вскоре был

рукоположен в иеромонахи. Окончив академию в числе первых учеников, о.Анатолий был оставлен в Академии как преподаватель общей церковной истории.

В 1911 году будущий Владыка удостоился степени магистра богословия за сочинение "Исторический очерк сирийского монашества до половины VI века". По отзывам рецензентов, этот труд, касаясь малоработанной в церковно-исторической науке области, отличается неоспоримыми достоинствами. Чтобы собрать исторические сведения о подвижниках и киновиях Сирии на протяжении почти четырех веков, автору пришлось употребить огромные усилия на поиск и изучение документов и литературы. Осведомленность его оказалась настолько широка, что всякий, кто захотел бы работать после него в области истории сирийского монашества, мог довериться результатам его труда совершенно.

29 августа 1911 года о.Анатолий был возведен в сан архимандрита. Осенью того же года комиссия по присуждению премий митрополита Макария рассматривала труды наставников академии, напечатанные в академическом журнале за 1910 год. Среди других внимание богословов привлекли и сочинения отца Анатолия. Одобрение было столь единодушным, что молодому архимандриту решено было присудить премию имени митрополита Макария.

В 1913 году в день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла в кафедральном храме Христа Спасителя в Москве архимандрит Анатолий был хиротонисан во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. В хиротонии принимал участие сонм архиереев, возглавляемый митрополитом Московским Макарием (Невским).

* * *

28 февраля 1922 года преосвященного Анатолия назначили на кафедру в Самару. Через год, 24 февраля, Самарское

ГПУ арестовало епископа. Поводом для ареста послужило найденное при обыске в квартире владыки Анатолия антисоветское воззвание, написанное от его имени. Епископу, однако, удалось раскрыть фальшивку, и он сумел доказать ГПУ, что хотя воззвание и подписано его именем, ему не принадлежит. В результате 4 августа того же года его освободили. По освобождению он был возведен Патриархом Тихоном в сан архиепископа. Сразу же после этого, 18 сентября 1923 года, Самарское ГПУ вновь его арестовало. Теперь он был обвинен в распространении антисоветских слухов и выслан в административном порядке в Туркмению, в город Красноводск, на три года.

В 1927 году архиепископ Анатолий по окончании срока ссылки вновь вернулся в Самару и был назначен членом Временного Священного Синода. В 1928 году архиепископ Анатолий получил назначение на кафедру в Одессу, куда прибыл 1 июня. 21 октября 1932 года ввиду исполнившегося пятилетия деятельности Священного Синода, возглавляемого митрополитом Сергием, все его члены, имевшие на тот момент сан архиепископов, в том числе и архиепископ Анатолий, были возведены в сан митрополитов с предоставлением права ношения белого клобука и креста на митре.

Время служения Владыки в Одессе совпало с самым трудным периодом гонений на Русскую Православную Церковь. Это была новая волна закрытия храмов и арестов священнослужителей, начавшаяся в 1929 году. В некоторых административных областях, особенно в Молдавии, входившей тогда в состав Одесской епархии, были закрыты почти все храмы. Самого митрополита Анатолия беспрестанно вызывали на допросы в НКВД, иногда поднимая с постели глубокой ночью. Бывало, что представители НКВД являлись в храм во время праздничного богослужения с требованием, чтобы

митрополит немедленно прибыл в НКВД на Маразлиевскую улицу. Кроткий и смиренный в обычное время Владыка в этих случаях твердо отвечал, что не прервет богослужения и явится в НКВД только после его окончания. После праздничного богослужения, митрополит ехал в НКВД, где его в отместку за неисполненное требование немедленной явки заставляли ждать по полтора часа в коридоре. Затем сотрудник НКВД приглашал митрополита Анатолия в кабинет и начинал издеваться над ним, кричал и топал ногами, а затем отпускал домой.

В 1931 году было арестовано более двадцати священнослужителей, бывших лучшими проповедниками города, и всех приговорили к заключению. На глазах митрополита проходило дерзкое и кощунственное закрытие и уничтожение храмов. Были взорваны величественный кафедральный Преображенский собор, прекрасное здание военного Свято-Сергиевского кафедрального собора, храм святителя Николая в порту и другие. В начале июня по распоряжению властей была закрыта Михайловская церковь. В середине июня в Дмитриевском храме, что на новом кладбище, с раннего утра собралась огромная толпа людей. Настоятель храма священник Сергей Лабунский стал выяснять, по какой причине собралось столь значительное число верующих. Кто-то ответил, что здесь, в храме, должно состояться собрание по поводу открытия Михайловской церкви, так как абсолютное большинство верующих не согласно с ее закрытием. Настоятель, почувствовав угрозу провокации, стал убеждать собравшихся, что никакого собрания не будет. Люди, однако, не уходили, и толпа все увеличивалась. Наконец, настоятель вывесил у входа в храм объявление, что никакого собрания не будет, слухи о собрании - дело рук злоумышленных. После этого некоторые из толпы стали упрекать настоятеля, что он не защищает интересы

Михайловской церкви. К девяти часам утра в храм прибыл митрополит Анатолий, собираясь служить Божественную литургию. Настоятель сообщил ему, что кто-то распускает слухи об имеющем быть собрании по поводу открытия Михайловской церкви, в связи с этим пришло много верующих. Митрополит Анатолий ответил, что ему ничего об этом неизвестно. Между тем толпа все увеличивалась, и событие готово было перерасти в возмущение по адресу властей. Изыскивая выход, настоятель пошел в контору кладбища узнать у администрации о намечавшемся собрании. Но и здесь ему ответили, что им ничего неизвестно. Вернувшись в храм, священник сообщил обо всем Владыке и просил его принять какие-нибудь меры.

- Что же вы хотите, чтобы я сделал? - спросил митрополит.
 - Выступите перед верующими с амвона и разъясните создавшееся положение, и к чему может привести такое собрание, устраиваемое без разрешения властей. Если вы выйдете - то вам удастся убедить верующих разойтись.
 И снова о.Сергий обратился к своей пастве, от лица митрополита стал убеждать народ, что никакого собрания не будет. В это время из алтаря вышел сам Владыка. Он остановился на солее, не произнося ни слова. Это, наконец, подействовало. Горестное молчание митрополита Анатолия было красноречивее слов.

* * *

Вскоре после этого, в ночь с 9 на 10 августа, Владыка был арестован и без промедления доставлен в Киев, куда его привезли 13 августа. Сразу же начались допросы.

- Следствие располагает данными о том, что вы проводили антисоветскую агитацию среди духовенства и церковников города Одессы. Припомните факты антисоветской агитации, проводимой вами.

- Антисоветской агитации я не вел. Однако припоминаю случай, когда я в беседе с моим секретарем Жуковским

Петром Петровичем, имевшей место у меня на квартире в моей комнате, в связи с закрытием церквей в епархии... выразился, что это положение не имеет сравнения в отечественной церковной истории. При этом я сказал, что во времена татарского нашествия, если разрушались церкви, то разрушались и города, теперь же города развиваются, украшаются, а церкви закрываются и некоторые разрушаются.

- Следствие располагает данными о том, что вы были связаны с представителями Ватикана и вели с ними переговоры об установлении контакта восточных и западных церквей, с целью объединения православия и католицизма для создания единого антисоветского фронта. Расскажите, при каких обстоятельствах была установлена такая связь и при посредстве кого именно.

- Связи с представителями Католической Церкви я не имел и никаких переговоров об объединении православных и католиков не вел. Заявляю, что я убежденный антикатолик, и по своим религиозным воззрениям, как православный епископ, не мог вести таких переговоров.

- Вы обвиняетесь в том, что, во-первых, проводили работу, направленную к созданию антисоветского блока путем воссоединения восточной и западной церквей на основе унии с подчинением Русской Православной Церкви Папе Римскому и, во-вторых, систематически вели антисоветскую агитацию, используя религиозные предрассудки масс в контрреволюционных целях. Признаете ли вы себя виновным?

- В первом пункте виновным себя не признаю. По второму пункту, кроме выражения в частных беседах, могущих быть истолкованными при известном освещении как проявление моей антисоветской направленности виновным себя не признаю.

8 октября следствие было закончено. Состояние здоровья

митрополита было очень тяжелым: у него была запущенная форма язвы желудка, в тюрьме за несколько месяцев эта болезнь обострилась, и положение его стало критическим. Близких родственников у него почти не осталось: отец умер в 1905, мать - в 1917 году. Ближе всех ему была сестра, Раиса, посвятившая заботе о нем всю свою жизнь - она путешествовала с Владыкой, начиная с Казани. Узнав о тяжелом положении брата, она стала хлопотать перед следователями о разрешении передачи ему молока и горячей пищи, приложив справку врача и рентгеновские снимки. Разрешение было получено. После окончания следствия сестра стала добиваться свидания с митрополитом, которое в конце концов было получено благодаря ходатайству перед властями митрополита Киевского Константина (Дьякова). Состояние здоровья митрополита Анатолия к тому времени настолько ухудшилось, что на свидание надзиратели его вывели, держа под руки, - Владыка почти не владел ногами.

* * *

16 декабря 1936 года Главное Управление Государственной Безопасности затребовало митрополита Анатолия в Москву, и через день он был доставлен в Бутырскую тюрьму. Все у него уже было собрано для заключения в лагерь. При нем были: чемодан, ватная поддевка, простыня, белый в полоску подрысник, шарф, четыре полотенца, подушка с наволочкой, старое шерстяное одеяло, думочка, рваная холщовая сумка, эмалированная миска, детская маленькая перина, осколок зеркала, черные валенки с калошами, маленький чемоданчик, мыльница, деревянный крест, маленькая дорожная иконка, два ключа, чайная ложка, карандаш, четки, монашеский пояс и драгоценнейшее из всего - Новый Завет.

21 января 1937 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило митрополита Анатолия к пяти годам

заклучения в лагерь. 27 января он был отправлен этапом в распоряжение Ухтпечлага НКВД.

Этапы только часть пути проезжали по железной дороге, затем узники шли пешком - по снегу в условиях заполярной зимы. Больной митрополит с трудом передвигался, и охрана подгоняла его по дороге прикладами, не давая времени отдохнуть. Когда он падал, его сажали в кузов грузовика до тех пор, пока он не приходил в себя, а затем сгружали и снова гнали пешком. 14 февраля 1937 года этап прибыл в Кылтовскую сельхозколонию в Коми. Первые полтора месяца митрополит не работал из-за отсутствия работы и конвоя. В мае его стали выводить на общие работы. В характеристике лагерное начальство писало: "Работает добросовестно, к инструменту отношение бережное. Дисциплинирован. Качество работы удовлетворительное". В июне митрополит Анатолий заболел крупозным воспалением легких, и сестра Владыки, Раиса Григорьевна, стала добиваться, чтобы ей разрешили свидание с братом. Во время болезни Владыка писал ей: "Умоляю тебя, прими все меры, даже сверхвозможные, добейся, умоли, упроси, устрой наше свидание. Жажду перед смертью увидеть родное лицо и благословить тебя".

Разрешение на свидание было получено - на три часа в присутствии конвоя. Но когда сестра прибыла в Усть-Вымь, в свидании ей отказали. Со скорбным сердцем она возвращалась домой. В это время Владыка тяжело болел, и администрация лагеря дала ему следующую характеристику: "Работает на общих работах. Норму не выполняет. К инструменту относится небрежно. На производстве дисциплинирован. В общественной работе участия не принимал. В быту дисциплинирован. Небрежен к общественному обмундированию. За плохой труд имеет предупреждение".

Наступила осень, затем зима. Состояние здоровья, от

природы слабое, еще более ухудшилось, давало о себе знать и перенесенное воспаление легких. В октябре митрополит Анатолий был признан инвалидом и освобожден от работы, но в ноябре его снова вывели на общие лагерные работы. В конце концов болезни, недоедание и каторжный труд привели к тому, что он ослеп и в ноябре-декабре не смог выполнить норму. Администрация лагеря дала ему за эти месяцы характеристику: "Работу выполняет на 62%. По старости работает слабо, но старается". В лагере таких, как митрополит, которых и присылали сюда умирать, освобождали от работы и перед смертью помещали в больницу. В январе 1938 года состояние здоровья митрополита ухудшилось настолько, что он был помещен в Кытловскую лагерную больницу. 23 января 1938 года в семнадцать часов десять минут владыка Анатолий скончался. Перед самой смертью от него потребовали, чтобы он отдал свое Евангелие и нательный крест, которые он пронес через все свое архиерейское служение, с которыми был в тюрьме и в концлагере. Митрополит отказался отдать. Евангелие вырвали из его рук силой, но крест он не отдал и, защищая слабеющими руками грудь, предал свою душу Господу.

ПУТЕМ АПОСТОЛЬСКИМ

Епископ Дмитровский СЕРАФИМ Звездинский (родился в Москве в 1883 году) был лишь одним из многих иерархов Русской Православной Церкви, принявших мученичество за веру. Неоднократно арестованный, он не раз был сослан: в Казахстан - сначала в Алма-Ату, затем и Гурьевск, в Уральск, затем в Омск и, наконец, в Ишим, - здесь, в страшном 1937 году закончился его путь. А начинался этот путь испытаний - в Коми крае. Сюда, в Визингу, был в 1923 г. сослан епископ Дмитровский. За три года до этого

святтейший патриарх Тихон, провожая только что хиротонованного владыку на труды архиерейские, так напутствовал его: “Как ты думаешь, даром ли кадят архиерея трижды но трижды? Нет. не даром. За многие труды и подвиги, сие за исповеднически верно хранимую веру. Иди путем апостольским. Ничем не смущайся, неудобства не бойся, все претерпи”.

Житие епископа Серафима Звездинского составлено на основе записей его духовных чад, о которых почти ничего не известно, кроме имен: Анна, Татьяна. Клавдия. Текст печатается по изданию: Житие епископа Серафима (Звездинского). Письма и проповеди. ИМКА-ПРЕСС. Париж, 1991.

* * *

...17 марта, в день Алексея, человека Божия, был прочитан владыке приговор: “Два года ссылки в Зырянском краю на вольном поселении”. Како изволился Господеви, тако и бысть... Владыка оставался еще в Бутырках, но чувствовал, что там он уже временно.

1-го мая, в канун празднования иконы Божией Матери “Нечаянная Радость” отправился владыка в первое свое изгнание. Дмитровцы знали, что этап - в Усть-Сысольск, но как туда добраться, каким путем повезут, ничего не было известно. Говорили, что путь лежит через Вятку.

От Котласа до Усть-Сысольска на пароходе “Тарас Шевченко” и вл. Серафим Звездинский и вл. Николай Ярушевич путешествовали в одной каюте. Утром епископ Серафим читал Священное Писание, причащался, а днем приходил к духовным чадам в третий класс, беседовал, обедал. Помню, увидел у о. Александра Беляева папироску, дымящуюся во рту. Не выдержало ревностное сердце и, вместе с дорогим, из слоновой кости, мундштуком - выбросил за окошко в воду. Отец протоиерей не огорчился, не оскорбился: видно, и для самого мундштук был не

конфеткой. Он поблагодарил владыку.

На третий день прибыли мы в Усть-Сысольск. Дорогой время проводили частично на палубе. Кругом разлилась вода, берегов не было видно, лес стоял на воде. Усть-Вымь, город, украшенный церквами, Соль-Вычегодск. На этих берегах почивали святители зырянские. Мы выходили на эти земли, освященные их стопами. Настроение было радостное, душа была готова на все лишения за радость, данную Господом спутешествовать изгнаннику. Берег Усть-Сысольска высокий, крутой, вышли все и собрались в кучку. Вдруг из багажных наших вещей корзиночка с сосудами покатила в воду. Тут же отважный студент бросился в воду и достал ее.

Все мы слышали, что в Усть-Сысольске находится митрополит казанский Кирилл и там же - из Москвы священник о. Николай Дулов.

Вскоре наши пошли в НКВД. Им объявили, что до особого распоряжения должны находиться в Усть-Сысольске вольно с обязательной явкой на регистрацию. Все направились к владыке Кириллу. Застали его дома. В белом подряснике, веселый, бодрый, величавый, он принял гостей радушно, угощал чаем при хлопотах м. Евдокии, постоянной его спутницы.

Вскоре и мы нашли квартирку. Владыка поместился в светлой комнате в три окна в сторону реки - полы желтые, крашенные, диванчик, иконы, стол, все приглядно, Владыка утешался молитвою, служил первую литургию в день святителя Алексия, митрополита Московского, чудовский престольный праздник 20 мая. Не было просфор, и владыка взял чистую простую баранку для литургии и Агнца.

Здесь же находилась семья Фудель - Сережа и сестра его Маруся. Они были рады приезду владыки, ч им хотелось чаще его видеть, но не всегда его заставляли, и они думали, что мы ограждаем владыку от них.

25 мая владыка пришел с прогулки, сел обедать, вдруг, запыхавшись, вошла Сарра Моисеевна - ссыльная из анархисток:

“Скорей собирайтесь, - говорит, - владыка, о. Филарет и о. Иван (Дмитровский благочинный), вас троих сейчас на пароход требуют для отправки в Визингу. Вот и бумажка”. Все всполошились, быстро снимали белье с веревок, еще сырое, увязали в узлы, компот в чайник вылили. На грузовом пароходе ссыльных конвой отправил в трюм, а нас не взяли, на нас нет приказа. Ждите, говорят, пассажирского, недели через три будет. Что делать? Как быть? Куда бежать? Когда удалось упросить начальство, пароход отчалил. И вдруг - нечаянная радость. Сарра Моисеевна сказала, что пароход берет груз. Когда мы появились в трюме среди ссыльных, они всплеснули руками: “Как это вдруг и вы нас нашли и опять вместе?”. “То сотворили владыкины молитвы”, - ответили мы. А отец Филарет воскликнул: “А я уж говорил! Что же это ты, святитель Николай, вез, вез, да и не довез нас с нашими спутницами вместе?”

На третий день ранним утром мы сошли с парохода, в 14 верстах от Визинги. Остановка называлась (здесь в самиздатовской рукописи пропуск - ред.) пустошь. На горе виднелись белые храмы. Когда-то это было место владычного пребывания святителя Стефана Пермского и Зырянского просветителя. Здесь он жил, отсюда проповедовал. Мы расположились на берегу, баржа ушла... Конвой пошел в деревню за лошадью. Мы закусили, откупорив баночку консервов, и попили кипяточку. Настроение было радостное. Чувствовалась свобода и скорее хотелось устроиться на постоянное место. Казалось, здесь уже - предел скитанию. Вскоре нас позвали в ближайшую деревню: готовили лошадей, а мы в ожидании вошли в избу - большой зырянский деревянный дом, где

нам предложили чаю. Помню, как я после чая неожиданно нашла в своей кожаной сумке кусок черного хлеба (тогда хлеб доставался нелегко). Для меня это знамение, что хлеб насущный я здесь обрету, что и было В самом деле - хлеб у нас всегда был без перебоя.

Погода была ясная, теплая, солнечная, лошадки вскоре были готовы. Повозки с плетеными корытообразными сидениями. Владыку мы усадили, сами же бежали пешочком близ него и рвали душистые желтые весенние “розочки”, такие же, как у нас - “бубенчики”. Владыка спросил своего кучера, зырянина, знавшего русский, как называются овечки, которых мы по пути встречали во множестве. “Бальки”, - отвечал извозчик. “Бальки, бальки”, - говорил владыка, обращаясь к нам. Он и во все последующее время звал нас и всех своих духовных чад “бальками”, т.е. овечками.

Четырнадцать верст мы быстро доехали. “Где же нам остановиться?” - спрашивали мы извозчика. “У о. Степана разве, да нет, он у нас красный. У о. диакона лучше, он вам подойдет”, - говорил добрый зырянин. (Диакон был против обновленчества). Въехали в Визингу; теперь называют это городом, а раньше было село; узкая улица, по обеим сторонам деревянные дома, налево голубой деревянный корпус с мезонином - больница; направо - чайная. Затем площадь, посреди большой белый храм, налево дома: о. диакона и священника о. Стефана. Остановились у первого лома - дома о. диакона. Вышел хозяин, молодой, в очках, светловолосый, в подряснике, в шляпе с широкими полями - о. диакон. Он стал угощать нас чаем во дворе за круглым столом, угощал вареными яйцами; приветливый, внимательный, обещал с нами походить, поискать квартиру владыке, о. Филарету и о. Ивану Суравьеву (благочинному г. Дмитрова, осужденному вместе с владыкой). Попив чаю, пошли с о. диаконом в лучшие, по его мнению, дома.

Помню, мне очень понравилась чистая половина на высоком холме, но хозяева не согласились пустить. Давали понять, что ссыльные, люди преступные, опасно их держать, близко закрома с хлебом. “Запоры у нас плохие, нет, - говорили, - пустить не можем”. Обойдя все ближние места, мы пошли в селение, отстоящее от города версты за полторы или две - Средний Кольель. В одном доме - множество ребят, но половина дома свободна, хозяйка Евдокия, раба Божия - простая, добрая.

“Батюшек пустить, - сказала она, - я согласна. Сколько же их?” “Двое”, - ответили мы. “Приходите, я мужу скажу, он пустит”, - ответила. Она знала русский, это тоже было удобно. Мы поднялись в Средний Кольель. “У Афанасия, - говорил о. диакон, - хороший дом, для владыки подходящий”. Вошли в дом: большие деревенские сени, направо изба; сидит хозяин, хозяйка, тут же мальчик. “Вот я вам привел плательщиков, - пояснил о. диакон. - Архиерей из Москвы и с ним вот его родственница”. Зачесал затылок хозяин - Афанасий Семенович. “Ссыльный, говоришь?” - и принялся объяснять что-то по-зырянски, горячо и быстро. Вскоре выяснилось, что он тоже не соглашался, боялся: ссыльные - вредные люди, нечестные, да и деньги-то теперь ничего не стоят, дешевеют, а купить здесь нечего. “Если будут платить хлебом - другое дело”. Это последнее место, на которое рассчитывал о. диакон, больше идти некуда. Дом очень чистый. Место тоже хорошее - близко лес, дома друг от друга далеко. Только проходить через половину хозяев, но зато две комнаты: одна большая для владыки в 6 окон, и одна для нас, проходная, маленькая с итальянским окном. “Это только летом, - пояснил хозяин, - а в этой половине нет печки, там жить будет нельзя”. “Да как-нибудь устроимся, печь сложим”, - заметили мы. “Нет, и печь тут не поможет, подпол холодный”, - заметил хозяин. Узнав, что невдалеке пустили священников Евдокия с мужем,

Афанасий Семенович стал более покладистым: “А у Василя были? - спросил он. - Сходите к Василию”. “Да мы никуда больше не пойдем, мы уж весь день исходили, и больше всего нам у вас нравится” - ответили мы. “У Василя сын - коммунист”, - сказал о. диакон.

Так мы сговорились платить хлебом, один или два пуда в месяц - не помню. “А где вы хлеба возьмете? На ваши деньги здесь хлеба не достать. Хлеба здесь маловато родится”. “Бог поможет, - решили мы, - а переходить надо”. Радостно побежали мы за владыкой, хозяин дал лошадь для вещей. Через два часа мы с владыкой были на новом месте. Зырян набилось в избу множество, а особенно - детишек. В этом заброшенном, пустынном месте это было настоящим событием. Все разглядывали нас.

Пройдя в переднюю комнату, владыка достал образ Казанской Божией Матери и отслужил молебен. Он чувствовал, что прибыл на место своего “спасительного изгнания”, - как он сам нарек свое там пребывание. Устроился и уголок для Божественной литургии налево от входа.

На первый месяц, - продолжает записки спутница владыки, - у нас хватило денег и кое-каких продуктов, дальше пришлось менять, что было. Но к этому времени и дмитровцы узнали, что владыка доехал: стали снаряжать к нему свою посланницу Таню.

Прибыли мы в Визингу 27 мая 1923 года, а к 1 сентября уже приехала к нам и Таня. Торжеству не было конца. Родная связь с дорогими, горячо любимыми чадами, с родною паствою окрыляла владыку, возрадовала и отцов, утешила и нас. Всем была радость: владыке - письма от чад, батюшке о. Ивану - от семьи, нам - от матушек, Клавдюше - от м. Сергии, мне - от м. Фамари. Владыка писал матушке, что Нюру я оставляю при себе, она мне поможет читать и петь. Жизнь протекала мирно. Утром - Божественная литургия.

Приходил чудовский о. Филарет. Пели мы с ним вдвоем. Праздники отмечались соборным служением, - служили вместе с владыкой и батюшки.

Днем владыка ходил на молитву в ближний прекрасный лес. Вековые хвойные деревья, внизу ковер из брусничника и мха всех цветов - серый, светло-зеленый, темно-зеленый, темно-красный, ярко-красный. Сушняк хрустит под ногами, а рядом дорога к шоссе, недалеко и уединенно. Пройдет лишь скотинка и редко-редко кто - за ягодами и грибами. Здесь была у владыки и пустынька - круглый холмик вроде кафедры. Мы даже выложили на нем из белых камушков бордюр с надписью по-гречески: "исполла эти деспота". Рядом корень дерева, раздвоенный, как сидение. А все кругом залито солнцем и птички немолчно поют. Невольно прикладывается рука к сердцу, невольно возводится взор к Всевидящему Богу на небеса, невольно склоняются колена на молитву и благодарение Господу. Владыка здесь обрел свой покой. Его страдальческий и подвижнический путь венчался здесь подвигами молитвы и любви к Богу.

Вскоре ссыльная семья пополнилась: прислали вторую партию ссыльного духовенства. Прибыли три батюшки: о. Петр Баженов, протоиерей-настоятель Тульского собора, о. Сергей и о. Николай из Симбирской обл., села Промзина, где чудотворная деревянная фигура Святителя Николая славится во всей округе.

Батюшки пришли к владыке благословиться и за содействием в устройстве. Им хотелось быть неподалеку, чтобы иметь утешение в общении и главное - в молитве. Стали их устраивать...

С о. Сергием приехали матушка Агафья Семеновна и дочка Шура, лет 11. Скоро все привыкли друг к другу. Батюшки в праздники приходили на торжественное архиерейское богослужение с четырьмя сослужащими протоиереями игуменом и одним священником.

Также и у батюшки бывал владыка, где совершал праздничные соборные богослужения. Пономарская должность, просфорочки были за мной, - вспоминает Анна, - а вскоре, с осени, 16 октября 1923 г., я стала и дьячком, чтецом владыкиной келии, - церкви во имя Божией Матери Скоропослушницы. Во имя Ее был у владыки и антиминос и образочек на бумаге маленький, висевший у него в изголовье все время его заключения в Бутырках, и привезенный в Зырянский край. Торжественное было пение, батюшки все знали хорошие напевы и пение. Владыка читал за всенощной канон и стоял неслужащим на архиерейском особом месте. Сделали ему ковер с орлом, сделали ему митру, сделали панагию с камушками, дикирий и трикирий деревянные, зырянской работы. Зыряне приходили в умиление и говорили лишь по-русски слова: "О Господи, Господи", прикладывая руки к груди. Зыряне любили владыку за его приветливость.

Помню, - продолжает спутница владыки, - осенью был такой случай: суббота под 24 августа, день св. Петра Московского. Утром владыка по обыкновению пошел в пустыньку и сказал: "Я приду пораньше, чтобы отдохнуть перед всенощной, а то отцы придут". Я ждала его к обеду, а его нет. И час, и три, и пять часов, я уже сбегала в - пустыньку, кричала повсюду, все дороги обежала, но только, как в океане лесном, раздается эхо и все кругом мертво. Боже! Что делать? Где искать, где? Что с владыкой? Часто у него с сердцем было плохо, не заболел ли, не лежит ли где без памяти? Не обидел ли его кто, не заблудился ли где? А может быть уже вернулся и дома, в Кольеле... Бегу, - нет, говорят, - не приходил. - К 6 часам отцы собрались. Тоже забеспокоились. Уже темно. Хозяин с сыном обежали все дороги. "Владыки нет. Что делать? Завтра надо объявлять, народом искать на лошадях, - говорит хозяин, - не заблудился ли где, не лежит ли где больной?" "Святитель

Николай, выведи его”, - молились мы. И вдруг общая радость: “Владыка идет!” Откуда, где был? “Я, - говорит, - утром еще пошел по дороге вглубь, и она кончилась, видно, проехали лишь за сеном или дровами. Дай, перейду на другую дорогу. И та кончилась. Хотел перейти опять и пошел, а дорог больше нет, - болота, кочки. На кочку ступишь тонет. Нашел пустые избушки на поляне. Это для сенокоса (хозяин пояснил - в 18 верстах от нас). Потом взмолился Богу и св. Николаю. Слышу, - говорит, - колокольчик - корова. Я ее подхлестывать: думаю, все равно к дому пойдет. Она меня и вывела на дорогу, и вот иду весь день и, слава Богу, дома. Если бы св. Николай не прислал мне корову, не вышел бы из леса”.

Ничто не омрачало нашу жизнь. Хозяева - люди добрые, приветливые. Афанасий Семенович очень заботливо относился к своему плательщику; баня топилась по-черному, была низкая, он ее поднял на аршин, она стала высокая и удобная. Сделал мебель: диван, деревянный комод и стулья, давал лошадей каждый раз на регистрацию в город владыке, запрягал самую лучшую упряжь и лучший свой экипаж - корзинчатую повозку. “Завтра владыку повезем новым телегом”, - говорил его сын Федя, подросточек, тихий паренек. “Педэр, Педэр, - звала его мать и, ругаясь, называла его: - ах, ты, коммунист, ты, коммунист”. Педэр попробовал шоколадку, долго плевался, потом полюбил и охотно кушал. В пасхальную ночь все молились вместе. Федор стрелял в 12 часов из ружья для торжества. Постом все говели, даже приходили соседи, но через несколько дней власти им запретили посещать ссыльных за богослужением. Приходили и светские ссыльные, из Петрограда студенты: один даже читал шестопсалмие, но славянская грамота ему трудно давалась. Каждый четверг ходили владыка и отцы на регистрацию. Владыка обычно ездил на хозяйской лошади, но иногда в

хорошую погоду ходил пешком. У него была сделанная зырянами деревянная палочка, покрашенная черным лаком. Мы ее особенно берегли, но она упала как-то раз в реку и уплыла.

Батюшки тяготились регистрацией и отец Иоанн вздумал не ходить. “Я им не мальчик, - говорил он, - да, не мальчик!” Но не тут-то было: вскоре с винтовкой явились за ним и увели.

По дороге встречались мальчишки-ученики. Представительная фигура владыки вызывала в их воображении образ патриарха Тихона, и они восклицали: “Тихон, Тихон”, а о. Иоанна прозвали за его энергичную невысокую фигуру “Керзоном”. Часто детишки прибегали к нам как будто полечиться, а на самом деле - за конфеткой к владыке. Матери приносили младенцев под благословение. Мужчины боялись в нетрезвом виде пройти мимо окон. “Тише! Владыка услышит”, - говорил Афанасий Семенович своему другу Василию. А тот, как отойдет чуть дальше, опять “бутылочку” запоем на русском языке. Но сам Афанасий редко молился: “Робить куда легче, владыка, чем у тебя молиться”, - признавался, бывало. “Как я тебя поминать-то буду?! - говаривал со слезами, - такого плательщика у меня больше уже никогда не будет”.

Хозяйка приносила каждый праздник целый поднос “шангов” - лепешки с маслом, творогом, картошкой, пропитанные маслом: в большие же престольные праздники - пиво, очень хорошо приготовленное. Бывал и владыка у них в гостях. Хозяева вскоре уступили ему свою теплую летнюю кухню, сами перешли в зимнюю через сени, и мы остались одни. Клавдия и я в кухне на полатах; владыка в нашей маленькой, где сложили маленькую печку. Молитвенный уют все восполнил, и не чувствовали мы скуки, только, бывало, выйдешь, взглянешь на темный лес и подумаешь: “Где-то там, далеко-далеко, наша родная

сторонушка, за лесами, за реками”. Но с владыкой всюду рай, и все ясно, хорошо. Здоровье мое только стало ослабевать: страдала от духоты на полатях, а может быть, еще от непривычных условий. Но за все - слава Богу.

Помню, как под равноапостольную Марию Магдалину мы собрались все молиться в лесу. На краю холма, в невысоком лесочке выбрал владыка местечко. “Знай, - сказал он мне пророчески, - здесь будет женский монастырь во имя святой Марии Магдалины”.

Тревожно переносили мы дни посещения нас властями. Танин приезд вызвал подозрения начальства, а когда она уезжала, устроили обыск. Но все обошлось, ничего не было у нас нежелательного для них.

Помню, как на Рождество пришел с иконой зырянский священник о. Степан. “Вы к какой церкви принадлежите? - спросил его владыка, - к православной?” “Да-да, ваше преосвященство, к живой православной церкви”. “Как это? - спросил владыка. - Одно дело к православной, другое - к живой”. “Вам, должно быть, известно”. “Если хотите, чтобы я вас принял, - заметил ему владыка, - вы должны отказаться от ложной церкви, покаяться и присоединиться к православной церкви вновь. Желаете ли сего?” - “Желаю, ваше преосвященство”, - ответил убеленный сединами протоиерей и тут же перед крестом и Евангелием дал обет быть верным Православию, отказавшись от заблуждений живоцерковников.

Зыряне чувствовали сердцем что-то недоброе в живоцерковничестве; в вере же они были, как дети. Русского языка не понимали, смысла тропарей не разумели, молились сердцем и душой, повторяя по созвучию знакомые слова: “Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру свет разума”. “Ен бурсилалки, - пели они, и мы их понимали, - Господу помолимся”.

Часть нашей семьи скоро освободилась досрочно: и о.

Сергий и о. Николай уехали домой. Проводили их зимой, по зимнему тракту на лошадях до ст. Мураши. Отец Николай вскоре скончался от туберкулеза дома, а отец Сергей как проповедник еще много славился в разных местах.

Незаметно прошли два года. Наступила весна 25 года. Кончился срок ссылки: 17 марта уже миновало. Было Благовещение пресвятой Богородицы. Вечером поздно вышли мы на теплый весенний воздух, душа была полна мира. Владыка отошел в уединение на молитву, видно было, как он кладет поклоны под сводом звездного неба. Он был радостен, молитвенно восторжен и Господь касался душ наших.

Неожиданно пришел о. Иоанн. Принес радостную весть: "Владыка! Пришла бумага о нашем освобождении, мы свободны и можем ехать домой". Недаром ликовала душа, недаром чувствовалась тихая радость. Господи, слава Тебе.

А утром - телеграмма о кончине святейшего патриарха Тихона. Радость омрачилась скорбным известием.

Тихо жилось в Зырянском краю, не знали мы, что ожидало нас, - продолжает записки Анна. - Владыка говорил Тане: "Хотя на два часа, я все же побываю в Дмитрове". Бумаги нам дали на Дмитров, явиться в Дмитровский НКВД. Начались приготовления к отправке, надо собраться; по дороге весенние разливы, навигация еще на началась. Дожили до 26 апреля: в день св. Стефана Пермского, покровителя зырянского, тронулись в путь.

Пасху встретили еще в Кольеле, а здесь уже весна, все в цвету, и так радостно было, надежда на лучшее еще теплилась в сердцах. До реки в 18 верстах от Визинги наши соседи брались нас довести, а там ввиду половодья нельзя на лошадях - надо дожидаться других подвод и еще на них до Усть-Сысольска 80 верст.

Добрые зыряне провожали владыку Серафима со слезами. Кланялись ему в ноги, крестились и целовали его, как

родного отца. Много согрел епископ хладных душ, многих утешил и просветил своею любовью. Женщины с детьми на руках бежали за повозками провожать до большой дороги. Так простились мы с дорогим и оставшимся в сердце Кольелем. Проехали школу. Ребята по обычаю своему с верхнего этажа школы кричали: “Тихон, Тихон! Керзон, Керзон!” Доехав до реки, мы сошли со своих повозок, еще раз простились со своими кольельскими зырянами, тепло, сердечно и со слезами. Сели в лодки и переправились на другой берег. Из соседней деревни нашлись возчики. Справляя “Степана Великого”, все они были навеселе. Наняли три подводы. Поехали, Господи благослови!

Доехали до села, остановились на постоялом дворе. Полежали немножко на полу, а утром рано тронулись в путь. Въехав вглубь дремучего леса, мы неожиданно увидели, что на тройке нас догоняют из нашего города Визинги сотрудники НКВД. Они подозвали возчиков, о чем-то долго говорили по-зырянски.

“Что они тебе говорят?” - спросила я своего извозчика. “Велят вас бросить здесь, в лесу, а мы не хотим. Ведь мы люди честные, много всего возим, и почту возим столько лет”. Но беда была в том, что энкаведисты подпоили наших мужиков водкой. Мужики еле стояли на ногах. Только один наш возчик Василий не пил. Возчик о. Иоанна не владел собой. “Василий, возьми у него топор”, - стала я просить своего возчика. “Господи, спаси нас и владыку”, - молилась я. Остались мы в лесу и в руках у нетрезвых людей. “Св. Николай, спаси нас!”

Разъяренный извозчик просил отдать топор, но топор мы спрятали в сене. Тот гнал лошадей; вдруг свалился с телегой в канаву и застонал. “Что с тобою?” - подошли мы к нему. Рука у него оказалась переломлена. На него жалко было смотреть. Лошадь его мы привязали к нашей, самого усадили в повозку и уже тихо последовали дальше. В Усть-

Сысольске поместили его в больницу, сами же поехали к дому усть-сысольского священника о. Клавдия.

Здесь догнал нас митрополит Кирилл, тоже получивший освобождение. Положение его было особенно тяжелым: в завещании Патриарх Тихон назвал его первым кандидатом на местоблюстительство. Приезда его в Москву ждала Православная Церковь. Однако, несмотря на освобождение, его задержали в пути, не давали возможности вернуться в Москву. “Видал я сон, - говорил митрополит, - стою на берегу бушующей реки, а мне надо следовать по ней. Вдруг огромная льдина преградила путь. Видно, - пояснил он, - мне сейчас закрыт путь в Москву, а что будет, Богу известно”.

Когда мы были уже на подходе, митрополит Кирилл, в белом подряснике, стоял на берегу, провожая владыку Серафима в новый путь, на новые подвиги и испытания.

“БЫТИЕ СТРАДАНИЙ И СКОРБИ”

После революции в Коми край - в лагеря или на поселение было сослано много выдающихся людей своего времени. Среди них - архиепископ Феодор (Поздеевский), последний ректор Московской духовной академии.

В 1917 году владыка Феодор был назначен настоятелем Свято-Данилова монастыря в Москве и управлял им вплоть до закрытия в 1930 году. По словам современников, это было время духовного подъема в жизни обители. Богослужения проводились при большом стечении народа. Патриарх Тихон, особо почитавший святого князя Даниила Московского (день памяти 17 марта), неоднократно совершал здесь литургию. Настоятель обители, преосв. Феодор, почитался среди народа как строгий монах, настоящий аскет. В 1918 году он совместно с

архим.Германом (Ряшенцевым) составил акафист св. блгв. князю Даниилу, собирателю земли Русской, - и акафист читался монахами в годы лихолетья, когда страну разрывали на части. Мог ли знать тогда владыка, что спустя годы судьба вновь столкнет его с соавтором, архим.Германом - они встретятся на окраине Российской Империи, в сыктывкарской ссылке...

Владыке Феодору принадлежали драгоценные святыни - часть святых мощей блгв. князя Даниила. Впоследствии они хранились у духовных чад владыки, затем попали в Америку, в Джорданвилль. В 1986 г. мощи вернулись в Данилов монастырь. Возвращается и память об его настоятеле владыке Феодоре. В американском издании "Православная жизнь" ("Orthodox life", Jordanville, 1995) приведены воспоминания о владыке тех, кто спасся от преследований, эмигрировав за рубеж. Публикуем выдержки из них.

Вот те сведения, которые удалось получить о пребывании владыки Феодора в Зырянском крае. Архиепископ Леонтий Чилийский в своих воспоминаниях пишет: "Сосланный в Усть-Сысольск архиепископ Феодор проживал там на вольном поселении со своим архидиаконом Ананией, не принимал ни одного человека, ни духовного, ни светского, включая сосланных туда собратий, - епископов Германа, бывшего своего сослужителя по Московской академии, епископа Серапиона Козельского, киевского подвижника схиигумена Луку и других добрых пастырей не принял, на себе испытал все муки при допросах в ГПУ. Он решительно никуда не ходил, не молился вместе. К сожалению, его предчувствия оправдались. Сосланный с ними всеми в один город свящ.Иероним оказался потом невольным осведомителем местного ГПУ. Не вынося угрызений совести, он потом на глазах у многих стиравших белье женщин бросился в реку и погиб".

Прот. М.Польский в своей книге “Новые мученики Российские” пишет:

“Епископы Герман (Ряшенцев) и Серапион, архиепископ Феодор, бывший ректор Московской духовной академии, вместе с архидиаконом своим Ананией, жили в 1935 г. как сосланные недалеко от города Усть-Сысольска (Зырянский край, область Коми). В один день все они были арестованы, вывезены из города и замучены”.

Но особенно ценны для нас воспоминания об этих годах ссылки, полученные нами от очевидца, ныне здравствующего. Он рисует яркую и живую картину тех лет.

Вот, что он пишет: “Встречать преосвященного владыку мне приходилось зимой 1935-36 г. изредка, то на улице, то на почте в г.Усть-Сысольске (по-зырянски Сыктывкар), где мы все получали письма, нам адресованные. Владыка поверх своей одежды носил брезентовый халат-дождевик, а не рясу. Из окружающей публики он выделялся не только тем, что носил бороду (волосы были скрыты зимней шапкой), но более всего величественным благообразием. Посторонние принимали его за университетского профессора. Один вид его внушал к нему уважение.

Когда я говорю “мы”, я имею в виду группу, составившуюся из ссыльных - сосланных за Церковь - из разных мест. Были тут духовные, монашествующие и мирские, державшие между собою “чувство локтя”, посещавшие церковные службы, ...вместе бедовали. Среди нас был епископ Герман (Ряшенцев), в свое время ректор I-ой Московской духовной семинарии, потом возведенный в архиерейский сан и бывший епископом Вязниковским. Был и другой епископ, Серапион Моршанский (Шеваляевский), поставленный из протоиереев.

Преосвященный Феодор держался особняком. Ни с кем общения не имел. Заботилась о нем его сестра, из вольных

(из допроса знаем, что ее звали Ольга Васильевна Тимофеева - *м.И.*).

В церковь владыка Феодор не ходил. Говорили о нем с уважением, и не без удивления комментировалось, что он был в несогласии с Поместным Собором (1917-18 гг.) и не разделял мнения со Святейшим Патриархом Тихоном. В Москве до ареста он уединился в Даниловом монастыре. От кафедры уклонился и был занят воспитанием молодых кандидатов на священнослужение. Под суд он попал, когда шли суды, связанные с делом об изъятии церковных ценностей. На один срок административно добавляли новый, потом опять новый. Так и владыка Герман и владыка Феодор проводили годы в ссылках. Моя речь о зиме 1935-36 года.

В Сыктывкаре оба оказались как бы вместе. Владыка Герман жил в селе Кочпон (4 версты от Сыктывкара), а владыка Феодор - в другую сторону от города, в селе Тентюково. Хотя до катастрофы революции эти наши владыки были близки (в 1918 г. они составили акафист благоверному князю Даниилу - "Акты Патриарха" - *ред.*), здесь, в ссылке, они встретились только один раз. Владыка Феодор раньше был ректором МДА, а Владыка Герман - ректором Вифанской семинарии. Близость была служебная. Теперь, в ссылке, Владыка Герман счел долгом приличия навестить Владыку Феодора. Был он принят очень холодно и сухо. Впрочем, чашка чаю была предложена, несмотря на все трудности ссыльного быта, - без права даже купить хлеба! Нужно сказать, что наших духовных паства всегда поддерживала посылками по почте или привозил кто-нибудь из родных, друзей или пасомых, так что, когда владыка Герман навестил владыку Феодора, хозяин мог предложить стакан чаю, но приглашения к повторению визита, к общению, не последовало.

Не вспомню, какими именно словами владыка Герман

делился потом впечатлениями об этом визите, но смысл был в том, что “Феодор каким был, таким и остался”. Замкнут в себе. Строгость во всем, ко всем, ко всему и, прежде всего, к себе самому искони прославила ректора Московской духовной академии.

Дальше автор описывает сам город: “Это был тогда старинный городок, где Сысола впадает в Вычегду. Богатство леса и молока. 25000 жителей - зыряне. Мужчины все говорят на коми и по-русски. Пожилые и старые женщины - только на коми. В мое время к местному населению прибавилось 22000 ссыльных на разные сроки и “спецпереселенцев” - так называемых раскулаченных.

Было 5 храмов. В мое время главный собор, Св.Стефана - куча щебня, другой - склад ГПУ, один ...не вспомню. На кладбище - обновленцы, в “Десятках” служил наш батюшка, зырянин о.Стефан.

Были духовное училище, женская прогимназия, лесопромышленный техникум.

Работал лесопильный завод. Затон - ремонт речного транспорта:

пароходов, барж. Были театр и летний сад. В магазинах - все что нужно: питание, одежда, обувь, аптека. Воду брали из колодцев. Дома городского типа, в полтора и два этажа.

Климат сухой, континентальный. Крайности: зима долгая и холодная, до 56 градусов С ниже нуля, лето короткое и очень жаркое, до 44 градусов С, но долгие дни летом - около 20 часов - дают возможность вызревать овощам: картофелю, свекле. Яблок нет. Злаки: ячмень, овес. Пшеницы нет. В царское время - все было. По осенней воде громадные баржи-склады обеспечивали город на весь год”.

В те годы, когда там жил владыка Феодор, находился в селе Тентюково блаженный Александр, о прозорливости которого ходили многочисленные легенды (в предыдущем номере “Православной жизни” (№1,1995г., Jordanville)

помещен подробный рассказ о блаженном, перепечатанный из нашей газеты - №№ 60,65,68,70 "Веры" за 1992-93 г.г. - *ред.*)

Предсказания блаженного Александра Сорвачева сбывались, и люди обращались к нему за помощью и советом.

Вот как описывает эти годы одна из посещавших его: "Через Тентюково шел путь на Верхний Чов, в конце села сворачивал в лес, и уже по лесной дороге двигалась колонна заключенных, а по сторонам - охрана на лошадях. И туда же тянулись вереницы женщин, чьи мужья страдали в лагерях. Переписку, ведь, многим не разрешали, свидания тоже, так что иные из этих женщин шли в Чов наугад, не зная даже: там ли их мужья, живы ли они. Местные власти издали распоряжение, чтобы таких бродячих женщин не пускали на ночлег. Где уже они ночевали, у каких костров делились друг с другом горем - нет этого в архивах. Но ночами рождались легенды про юродивого - блаженного Александра: он прозорливец, все знает, всю правду может сказать (это отнюдь не легенды - *ред.*). О многом говорил он иносказательно, но самое главное: жив человек или нет его - об этом всегда говорил определенно. А если какая особенно пристанет, то разволнуется Александр и чуть не плачет: "Нету его уже, нету совсем. Убит!" - будто своими глазами видел убитого".

Вот село Тентюково, вот его жизнь в те годы, когда там проживал Владыка Феодор.

1937 год... "Но теперь - ваше время и власть тьмы" (Лук.22,53). Если спросить: почему были такие жестокие гонения на Церковь Христову в первые века христианства и почему с такой силой возобновились они в наше время, ответим словами владыки Феодора. Он пишет:

"Нужно помнить, что с момента сошествия Св.Духа Церковь... вошла в мир, как новая, отличная от обществ

человеческих и даже противоположная им организация. Вот почему представители римской государственности и общественности гнали христиан, потому что при всей широте веротерпимости своей видели, какая опасность грозит их общественному строю со стороны христианства. Государственная общественность зачалась вовсе не от Духа Святого и не с момента сошествия Его на апостолов, а совершенно на иных началах. Это просто совместность человеческих жизней, дань инстинкту общежития... По причине извращения человеческой природы грехом, она выражается неизбежно в тех уродливых формах и установлениях государственной жизни, о которых так разительно говорит нам история человечества.

Начало церковной организации, общества святого и чистого, - начало иного порядка. В основе Церковной жизни лежит чисто нравственная идея единого братства, имеющего "едино сердце и едину душу" (Деян.4,32). "Цель Церкви, по словам Вл.Соловьева, в том, чтобы исцелять человечество и весь мир восстановлением его единства с Богом". В Церкви преобразуется дух человека. Христианство призывает к борьбе с грехом, к спасению от греха, к достижению Царства Божия, кое внутри нас есть, но на этот путь надо вступить свободно, ибо Царство Божие и царство дьявола для человека есть направление свободной воли человека.

Юридические права не так важны для Церкви - дело духовного совершенствования может совершаться и при тяжелых условиях внешнего порядка для христиан.

Как же должно мыслиться отношение церковной общественности к государственной? ...Государству должно преклониться перед христианством, стремиться быть христианским, ибо исторический опыт ясно свидетельствует, что государство не может дать само из себя разумного смысла жизни.

Если же брать государство христианское, каково наше русское государство, ибо... у нас Церковь и вера созидали самую общественность и устройство государства российского, то у нас, пока не иссякла окончательно самая вера христианская, нельзя и говорить об отделении Церкви от государства. ...Чтобы отделиться от Церкви, государству нужно состоять всецело из неверующих. Тогда это отделение произойдет само собой и будет уже собственно отпадением от Церкви, церковной анафемой” (Архиеп. Феодор “Смысл христианского подвига”, Москва, 1991 г.). “Расходились, разгулялись бесы по России вдоль и поперек...”

Приведем слова Владыки из его статьи - “К вопросу о страданиях”:

“...Не будем подробно касаться тех разнообразных объяснений тайны страданий в жизни и зла в мире, какие давали люди, желавшие проникнуть в эту тайну усилиями только своего ума, ибо для жизни важно знать не столько ошибки и заблуждения, сколько правду. Скажем только, что вне идеи личного Бога, для человека, переставшего определять себя и свою жизнь идеей личного живого Бога и потерявшего идеал жизни и спасения в Боге, нет другого выхода, как только горестно поникнуть в сознании своего бессилия перед непонятной тайной мирового бытия, как бытия страданий и скорби, и все уже бытие признать злым... Грехопадение ангелов и грехопадение человека, внесшее собою зло во все области бытия, как духовного так и материального, в том и состояло, что ангелы и люди порвали свою непосредственную связь с Богом и пошли по пути своей собственной воли... Итак, по вопросу о страданиях можно сказать следующее:

1. Проблема зла и страдания есть вековая проблема человечества, без решения ее история не имеет смысла, да и самая жизнь разумно невозможна.

2. Единственно удовлетворительное решение этой проблемы дается в системе христианского мировоззрения.

3. Зло и страдания есть состояние искаженного порядка жизни, и виновник этого искажения в земной жизни - сам человек; при этом понятие зла и страданий вовсе не однозначны: зло - понятие чисто моральное, а страдания, сами по себе, - вне области понятий добра и зла, хотя и могут быть причиной добра и зла, в зависимости от воли человека. ...Нужно сознать себя виновником и преступником перед Богом за зло и страдания жизни, и в чувстве этой виновности воспринять эти страдания в добровольных подвиг своей жизни”.

Так и поступил архиепископ Волоколамский Феодор, последний ректор Московской духовной академии, закончив житие свое мученической смертью.

23 октября 1937 года Владыка Феодор был расстрелян в Ивановской тюрьме.

Монахиня Иоанна

МИТРОПОЛИТ СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ)

Закончен сбор материалов по вопросу о канонизации еще одного мученика Русской Церкви. Об этом на прошедших в Архангельске Иоанновских чтениях поведал собравшимся член Комиссии по канонизации, преподаватель С-Петербургской Духовной академии священник Георгий Митрофанов. Доклад о канонизации был подготовлен непосредственно отцом Георгием. До ближайшего Поместного собора, который рассмотрит вопрос о канонизации владыки Серафима Чичагова, эти материалы будут, скорее всего, недоступны для широкой православной

общественности. Но на чтениях отец Георгий немало поведал о жизни Владыки. И мы рады предложить нашим читателям эти материалы, переработанные, с некоторыми дополнениями, для публикации.

Допросы НКВД в конце тридцатых годов сбоев практически не давали. Слабые “уличали” “врагов” десятками, сильные называли только одно имя - свое собственное. Таких, кто ни в чем не признался под пытками, были единицы.

Одним из этих исключительных людей был и митрополит Серафим Чичагов. Почему он выстоял? Ведь от него требовали не отречения от веры, а лишь слов: “Я виновен”. Думал ли он, что, дав ложные показания, опорочит свой сан, или ему помогли выстоять понятия о чести, которые он, гвардейский полковник в отставке, сохранил на всю жизнь? В числе его предков было два адмирала Российского флота. Один из них, блестящий екатерининский вельможа, затомившись в “миру”, бросил все и отправился с экспедицией в арктические льды.

Военным был и его отец, полковник артиллерии. Самому Владыке Серафиму, а тогда еще Леониду, также было определено идти по военной части. Как выходца из высшей аристократии его поместили в Пажеский корпус, готовивший элитные военные кадры Российской империи. По выходу из Корпуса он попадает в гвардейский полк. Уже тогда он удивлял товарищей тем, что соблюдал посты. В армии, согласно указу Петра I, делать это было не обязательно.

Вскоре Леонид Михайлович Чичагов попадает на Русско-турецкую войну. Заканчивает ее с несколькими наградами в высоком для гвардии чине штабс-капитана. Но не это было главным его приобретением. Знакомство с ужасами войны заставляет его глубоко задуматься о страданиях, жизни, смерти. Он находит необходимым для офицера изучать медицину с тем, чтобы уметь не только вести солдат в бой,

но и облегчать мучения раненых. Идея неожиданная и, быть может, не раз вызывавшая насмешки в офицерских клубах, как и соблюдение постов.

Это не мешает карьере. Его командируют во Францию на маневры, он проявляет там себя так, что французы вручают русскому офицеру высшую награду своей страны - большой крест Почетного Легиона. Он талантлив, умен, быстро продвигается по службе, но что-то мучит его, подобная жизнь кажется ему ирреальной, вторичной рядом с истинным призванием человека. В Петербурге Чичагов сближается с отцом Иоанном Кронштадтским. Они становятся друзьями. Святой пастырь благословляет его на брак с аристократкой из рода Дохтуровых.

У Леонида Михайловича с супругой за шесть лет рождается четверо дочерей. Как в служебной, так и в семейной жизни все обстоит благополучно, и тут - словно гром с неба, - жена его узнает о желании Чичагова стать священником. С таких "высот", на каких он витал в обществе, в священники в девятнадцатом веке не сходили. В монахи еще куда не шло, с тем, чтобы со временем стать архиереем, но священником (!) в эту, почти замкнутую на себя, не слишком образованную, много и тяжело труждающуюся среду!? С таким же успехом он у себя в полку мог возмечтать о карьере ветеринара.

Жена категорически против. Родственники призывают его одуматься. Но он, чтобы облегчить свой путь, выходит в отставку в чине полковника гвардии, что соответствует чину генерала в общевойсковых частях. Жена твердо уверена, что ей удастся предотвратить семейную катастрофу. И только после несколько лет уговоров, которые вел Иоанн Кронштадтский, она наконец смиряется. В 1894 г., отставной красавец-офицер 38-и лет от роду становится отцом Леонидом. Он знал, на что шел. И жену страхи не обманули. Московское священство, та его часть,

которая обладала определенной властью, встретила нового иерея без энтузиазма. Действующего храма ему не дают, определяют в некую руину, давно заброшенную.

На свою военную пенсию, ограничивая себя во всем, он восстанавливает эту церковь, но... восстановленный храм у "барина-чудака" отбирают. И приписывают к церкви при Румянцевском музее, опять-таки существующей только на бумаге - окормлять артиллеристов Московского гарнизона, у которых денег сроду не водилось. Он строит вторую церковь, снова на собственные деньги. Жить становится все тяжелее. Дочерей нужно определять на учебу. От того, что он стал священником, девочки из списков аристократии не выбыли, в гимназию их отдавать неприлично. И это лишь одна из сотен трудностей. Жена не выдерживает их и умирает. Самый жалкий из московских священников, вчерашний гвардейский полковник Леонид Михайлович Чичагов остается с четырьмя детьми на руках...

Он принял монашество. Ему пообещали архимандритство, но обманули. Вместо этого отправили в Троице-Сергиеву лавру смиряться. Он доказал, что способен на многолетний подвиг. Но у каждого есть свой предел сил, соответствующий воспитанию и привычному образу жизни. Об этом говорили неоднократно святые отцы, многие из которых также принадлежали к знати.

В Лавре монаха Серафима обнаруживает Государь, с которым Леонид Чичагов был лично знаком. Государь обращается в Синод, но это не помогает. Становится даже хуже. Инока Серафима нещадно ругают за разговор с Николаем II. И только когда за Чичагова вступается Наталья Киреевская, эта легендарная женщина, духовная дочь Серафима Саровского, больше известная тем, что привела к Богу своего мужа, известного философа Киреевского, архимандритство становится, наконец, возможным.

Проблемы на этом, естественно, не заканчиваются. Чичагов обладает какой-то удивительной способностью притягивать на себя молнии чиновничьего гнева. Через Наталью Киреевскую он знакомится с памятью Серафима Саровского и, потрясенный, совершает, быть может, главное дело своей жизни: пишет книгу, знакомую ныне каждому православному человеку - "Летопись Серафимо-Дивеевской обители".

Нынче это забыто, но чиновники-полупротестанты и многие архиереи в Синоде относились тогда к преподобному Серафиму резко отрицательно. Когда в обход этих людей книга попадает к Царю, глава Священного Синода Константин Победоносцев пишет в своем дневнике о том, что "плут Чичагов пробрался к Государю и рассказал об этом хлысте" (св.Серафиме - **В.Г.**). Тем не менее многолетняя блокада вокруг имени Серафима Саровского была снята.

Вскоре, благодаря поддержке Государя состоялась канонизация и торжества, собравшие в Дивеево и просветившие всю православную Россию. А Серафиму Чичагову, никогда особо не увлекавшемуся чудесами, когда он закончил свою работу, явился сам преподобный. Встреча была короткой.

- Чего-нибудь хочешь? - спросил святой.

- Быть с Вами.

Преподобный Серафим грустно улыбнулся и исчез.

В 1905 году архимандрит Серафим становится епископом. Ему дают в управление Молдавскую епархию. Там он и встретил весть о смерти любимого пастыря и духовного отца праведного Иоанна Кронштадтского. Известно, что до конца дней Серафим Чичагов страдал от этой потери. Примерно в то же время он пишет 3-й том "Летописи Серафимо-Дивеевской обители", до нас не дошедший. После революции книга была изъята и сгинула в ЧК.

Несколько позже владыка Серафим совершает, быть может, самую большую ошибку в своей жизни. Забыв о том, как самого его гнали когда-то, он, посланный для расследования жалобы на Оптинских старцев, совершает труднообъяснимый поступок. Изгоняет из обители святого старца Варсонофия, наводит в монастыре “порядок” хуже всякой разрухи. Существует лишь одна версия, которая хоть сколько-нибудь проливает свет на происшедшее. В высшем обществе Петербурга, куда епископ Серафим был вхож, пошли об Оптине дурные слухи. Распространяли их люди верующие, эдакие “православные активисты”. Поверив им на слово, Владыка не стал разбираться, что к чему, а сразу приступил к действиям. Власть - не самое легкое искушение для православного человека. Одних она ломает, других на время заставляет свернуть с пути. Владыка на путь Христов вернулся и Бог ему судья.

Февральскую революцию епископ Серафим, к тому времени Владыка Тверской епархии, встретил резко отрицательно. Бунт есть бунт, а присяга есть присяга. Для него, русского солдата, здесь вопросов не было. С удивлением и горечью смотрел он, как засуетились некоторые архиереи наши и церковные активисты в ожидании сиюминутных выгод от нового положения вещей и как они рады избавлению от опеки государства. Тверские демократы, в том числе и из церковной среды, попытались добиться его смещения с кафедры. Неприязнь к нему была велика отчасти потому, что в Российской империи существовала практика освобождения от военных обязанностей для псаломщиков. И когда в 1914 году началась Первая Мировая война, многие дети священников ринулись занимать вакантные места в церквях. Владыка же это осудил и благословил поповичей отправиться на фронт. Этому ему не простили. Доносы продолжали поступать к властям даже после падения Временного правительства. Чтобы спасти Владыку

от расправы, Священный Синод попытался перевести его на Варшавскую кафедру. Выехать в Варшаву не удалось. Оказался в Архангельске.

В начале двадцатых годов его арестовали по обвинению в связях с Варшавой, но дело рассыпалось. Расстрелять тогда могли за сущую ерунду. Но когда дело доводилось до суда, требовался для сурового приговора хоть какой-то повод. Но и держать на свободе этого, как полагали власти, черносотенца, также было для большевиков невыносимо. Тучи сгущались и, чтобы хоть как-то обезопасить Владыку, Синод возвел его в сан митрополита. Митрополитов было мало, все на виду, в лесок не выведешь и по-тихому не пристрелишь.

В 28-м году митрополит Серафим оказался в центре внимания всего русского православия - он был поставлен на Ленинградскую кафедру. Произошло это не случайно. Декларация митрополита Сергия Старгородского о лояльности Церкви к советской власти вызвала у многих верующих возмущение. Центром раскола стал Ленинград, где избавившаяся от своих либеральных иллюзий интеллигенция не желала мириться с безбожной властью.

Для преодоления раскола митрополит Сергей обратился за помощью к Владыке Серафиму. Трудно сказать, как воспринял Декларацию сам митрополит Серафим. Зная его характер и убеждения, можно сказать, что восторга она у него не вызвала. Но раскол... В такой тяжелый для Церкви момент! Неужели неприятие декларации должно выражаться в бунте?

Авторитет его в Церкви был огромен. Человек с безукоризненной репутацией честного человека, монархист, аристократ. В короткий срок ему удалось вновь сплотить епархию. Возмущение поступком митрополита Сергия осталось, но в лоно Московской патриархии большинство из раскольников все же вернулись. Популярности у

светских властей владыка Серафим этим не снискал. Он навсегда остался для них хитрым и очень опасным врагом. Запомнилось им и то, как в 29-м году Владыка обрядил в свое архиерейское облачение умершего архиепископа Иллариона Троицкого, который при новой власти почти не покидал тюрем и лагерей. И снова пошли слухи об аресте. И вновь его удалось избежать. В 1933 году Синод отправляет Владыку на покой. Поселяется митр.Серафим в Москве. Ведет тихую жизнь, играет на фисгармонии, читает. Иногда к нему приезжают знакомые архиереи, священники, духовные чада. Они пьют чай, разговаривают.

Фисгармонию власти, может быть, и снесли бы, но что царский полковник и церковный мракобес Серафим Чичагов продолжает оставаться в центре церковной жизни, пусть и невольно, вывело НКВД из себя.

В 1937 году он был снова арестован. Его отвезли в Бутырскую тюрьму. Страшно пытали. Этот высокий красивый 81-летний старик доводил палачей до бешенства. Он раз за разом хладнокровно отказывался подписывать любые протоколы. Здоровые, бесстрашные мужчины, прошедшие огонь и воду, ломались здесь в несколько дней и оговаривали старых товарищей. А эти церковники... люди ли они вообще? Вот так же вели себя и монахи с Кавказа. Последних из них отловили там по горам и ущельям в середине тридцатых. Выдержали муки, которые человеческое тело в принципе вынести не в состоянии. Доводили иной раз следователей до того, что те сами обращались ко Христу и гибли вместе с людьми, от которых требовали "правды" и получили Правду.

Расстреляли владыку Серафима в местечке Бутово под Москвой. Тело бросили в братскую могилу. Там, среди русских косточек мощей его теперь не найти.

В.Г.

Оглавление

Ссылные архиереи в коми АО - 1

Архиепископ Стефан (Знамеровский) - 9

Смиранный пастырь (Анатолий Грисюк) - 19

Путём апостольским (Серафим Звездинский) - 28

«Бытие страданий и скорби» (Феодор Поздеевский) - 43

Митрополит Серафим (Чичагов) - 51
